

УДК 94(470.1/2 + 470.2)“19”

М.А. Белан¹

**К истории службы нижних чинов: обстоятельства
увольнения, возвращения, награждения ополченцев
и призрения инвалидов в 1814–1815 гг.
(на материалах Санкт-Петербургской губернии)**

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная в исторической литературе тема – увольнение от службы нижних чинов. Автор проанализировал процесс освобождения от службы ратников в 1814–1815 гг. на примере ополченцев, поступивших на службу в 1812 г. из городских обществ Санкт-Петербургской губернии. Представлен механизм увольнения от службы. На основе материалов городских дум, документов губернского комитета ополчения и Военного министерства показано, как ратников организованно возвращали на место жительства в сопровождении офицеров и полицейских чинов. Изучено награждение ратников, выявлено, в каких дружинах и за какие сражения было больше всего выдано наград. Отдельно рассмотрен вопрос организации призрения ратников, получивших увечья на службе: выявлены примеры медицинского освидетельствования ополченцев и зачисления их «в инвалиды» второго разряда, согласно указу 1815 г. Дана таблица с подсчетом ратников: число вернувшихся, погибших, пропавших без вести и т.п. *Ключевые слова:* земское ополчение; Отечественная война 1812 г.; ратники; инвалиды; демобилизация.

**About the service of the rank and file: circumstances
of dismissal, return, awarding of militiamen, and care
of the invalids in 1814–1815 (based on the files
of the St Petersburg province)**

Abstract. The article examines the service of militiamen who entered in 1812 from the towns of the St. Petersburg province, focusing on the circumstances of their dismissal from the service of the rank and file in 1814–1815. The mechanism of dismissal are examined in detail. Based on the sources, coming from local council archives where the documents of the returned men were preserved, files of the Provincial Militia Committee, as well as calculations of the Ministry of War, the article explores, by way of several examples, how the men were returned to their towns in an organised manner, accompanied by the officers, police bailiffs, or officials. The awarding of militiamen with silver medals in memory of the war of 1812 is also studied. Lastly, an important topic is touched upon: the provision of

¹ Михаил Александрович Белан – кандидат исторических наук, PhD Candidate Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания), e-mail: mikhailbelan@mail.ru.

Mikhail A. Belan – Candidate of Historical Sciences, PhD Candidate at the University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

care for militiamen who had been maimed during their service. Several instances of militiamen are analysed, who upon a medical examination were classified as “disabled” of the second category, according to the decree of the 1815. Lastly, a comprehensive table of the militiamen is given.

Keywords: the People’s militia; the Patriotic War of 1812; the rank and file; militiamen, the invalids; dismissal from the service.

История службы нижних чинов в Российской императорской армии – тема, давно привлекающая внимание исследователей [4; 5], однако вопросы, связанные с выходом в отставку, награждением, последующей помощью ветеранам, по сей день остаются малоизученными, в особенности применительно к периоду до второй четверти XIX в. Такая тема, как, например, признание инвалидов в конце XVIII – начале XIX в., только недавно стала подниматься в работах ряда исследователей [6; 19; 20]. В этом отношении представляется многообещающим изучение комплекса проблем, связанных с отставкой нижних чинов от службы, на примере ополченцев – ратников Земского ополчения 1812 г. Обстоятельства набора ополчения в 1812 г. и дальнейшая служба ратников хотя и привлекали внимание историков [1; 7], но вопрос об их последующей судьбе – в частности, обстоятельства увольнения со службы и возвращения на место прежнего жительства в 1814–1815 гг. – остается неизученным.

Цель данной статьи – на основе материалов о ратниках, поступивших на службу в 1812 г. от городских обществ Санкт-Петербургской губернии, реконструировать обстоятельства освобождения от службы, процесс возвращения, награждения медалями за службу, а также обеспечение признания инвалидов. Основной фокус исследования сосредоточен на ратниках, поступивших из мещан уездных центров Санкт-Петербургской губернии: Новая Ладога, Царское Село и Гдов [2]. Используются ранее не вводившиеся в научный оборот материалы городских дум, сохранившие информацию о возвращавшихся ратниках [13; 14; 17], а также списки ратников из губернского комитета ополчения [15; 16] и подсчеты Инспекторского департамента Военного министерства [11].

Списки Комитета ополчения Санкт-Петербургской губернии (далее – Комитет) содержат общие подсчеты и краткую информацию о службе: поименные списки ратников из каждого города, их возраст, а также – в последнем столбце – сведения об их дальнейшей судьбе. Сообщается, в какую дружину (батальон) Санкт-Петербургского ополчения они были определены; встречаются отметки о ранении (например, «ранен под Полоцком») и о пребывании в плену. Напротив большинства фамилий есть указания на дальнейшую судьбу ратников: «определен на прежнее место» в 1814 г., «убит», «в госпитале», «оставлен при обозе в селе / городе N.», «бежал»,

«пропал без вести» и т.п.; напротив части фамилий стоит прочерк. В крайнем столбце отмечено, был ли ратник награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 г.».

Материалы городских дум предоставляют более богатый материал по отдельным ратникам: в течение 1814 – начале 1815 г. думы регистрировали возвращавшихся ополченцев, сохраняя копии с предъявленных ими документов, что в ряде случаев позволяет реконструировать историю службы.

В первую очередь, следует обратиться к статистическим данным. И. Лапина составила таблицу о ратниках из городов Санкт-Петербургской губернии на основе списков Комитета ополчения, указав, сколько ратников из каждого города было мобилизовано в 1812 г. и их средний возраст [7, с. 258]. Обнаруженная мною таблица Инспекторского департамента Военного министерства (см. табл. 1) позволяет дополнить эту картину. По всей видимости, приведенные цифры отражают ситуацию на первую половину 1815 г. Даны наиболее точные подсчеты по количеству призванных в 1812 г. и количеству отправленных «к водворению на прежнее жилище». К моменту составления таблицы процесс роспуска ополчения и возвращения ратников, продолжавшийся большую часть 1814 г., в целом был завершен. Из таблицы 1 видно, какое количество людей погибло, умерло во время службы, было отправлено в командировки, осталось в госпиталях, при обозах и т.д. Очевидно, что из ополченцев, невозвращенных на место жительства в 1814 г., погибли далеко не все: часть из них в разное время покидала свои дружины (оставлены для лечения, охранения, «отстал на марше»); их точное местонахождение даже к 1815 г. установить не удавалось.

Формально ополчение было расформировано императорским указом от 22 января 1814 г. [10, с. 734–735], последовавшим после сдачи Данцига. Большинство ратников возвратилось в свои города к концу 1814 г., хотя некоторые думы регистрировали отдельные партии прибывавших и в начале 1815 г. Среди материалов городских дум встречается информация об обстоятельствах возвращения ополченцев. По сохранившимся документам прибывавших лиц, можно установить, что ратники из городов Санкт-Петербургской губернии к началу 1814 г. оказались разбросаны по разным частям и пунктам. Большинство возвращались группами. Они были освобождены и прибывали из дружин милиции или же из местных «команд» – вспомогательные подразделения внутренней стражи (фактически – гарнизонные войска), в которые зачислялись ратники в 1812–1813 гг. после ранений и лечения в госпиталях.

Процесс «водворения на прежнее место» был хорошо организован. Возвращавшиеся лица прибывали в думу, где составлялось официальное прошение о зачислении обратно в мещанское общество. Как правило, думы

регистрировали группы из 3–7 человек; гораздо реже прибывали один или два ратника: такие лица могли давно покинуть дружины, в которые были изначально распределены. Последними в города возвратились в самом конце 1814 – начале 1815 г. ратники, которые были отмечены как «казаки 2-го или 1-го добровольческого казачьего полка Санкт-Петербургского ополчения» (части легкой кавалерии, созданные в составе губернского ополчения в 1812 г.). Все эти большие и малые группы прибывали с сопровождением: под командованием офицера милиции, офицера или сержанта армии, передававшего их документы думе. Некоторые возвращались при посредничестве канцелярии гражданского губернатора; ряд людей прибыл с разными «оказиями» – земской полицией или курьерами, доставлявшими почту. Очевидно, перемещение на большое расстояние было дорогостоящим мероприятием, и властям (как это заявлялось в указе об освобождении ополчения [10, с. 734–735]) было приказано помогать с доставкой людей на их место жительства. Определенную роль сыграли и соображения, что кто-то из ратников мог бежать после роспуска ополчения (случаи дезертирства встречались и во время службы).

Иллюстрацией процесса возвращения ратников может служить история Наума Шахматинского, одного из влиятельных мещан Новой Ладogi начала XIX в. Шахматинский, по всей видимости, записался добровольцем в ополчение в июле 1812 г.: в возрасте 45 лет он возглавил списки первой, самой крупной группы, отправившейся в Санкт-Петербург уже через месяц после получения указа о сборе ополчения. В Новую Ладogu он вернулся в числе первых в марте 1814 г., вместе с еще одним ополченцем: оба были «присланы» канцелярий губернатора М. Бакунина. Военное начальство при освобождении ратников предоставляло им краткие списки о службе, которые предъявлялись городской думе. Эти документы содержат гораздо больше информации о службе и обстоятельствах увольнения, чем списки Комитета (к сожалению, сохранились списки далеко не всех возвратившихся). Так, в документах Шахматинского указано, что он был грамотен, не был «штрафован» за время службы, участвовал во второй битве при Полоцке (6–8 октября 1812 г.), где был «ранен пулей в ногу», «после чего больше не был пригоден для службы». Проведя некоторое время в госпитале во Пскове, Шахматинский был направлен в «команду псковского коменданта майора Элдерна». В таких центрах, как Псков, собирались раненые, рекруты и ратники слабые здоровьем, новобранцы и инвалиды. Шахматинский продолжил свою службу во Пскове до ноября 1813 г., а затем, по-видимому, был возвращен на службу в армию, но вскоре вышел указ об освобождении ополченцев, и его отправили домой, наградив серебряной медалью за полученное ранение [17, л. 170–175].

Таблица 1

Ведомость ополченцам из городов Санкт-Петербургской губернии, 1815 г.

	Вступило в 1812 г.	Определен к вдворению на прежнее жилище, 1814–1815 гг.	Убит	Умер во время службы	Пропал без вести	Ранен	В разных госпиталях	В командировке	Отстал на марше	В отпусках	За неполучением сведений оста- ется неизвестным	Следует медалей
Мещане												
Санкт-Петербург	385	243	7	10	12	14	46	12	11	1	29	136
Шлиссельбург	45	26	1	1	–	2	6	4	2	–	3	20
Царское Село, Гатчина, Пав- ловск	83	49	3	5	2	–	9	5	1	–	9	18
Луга	18	7	1	1	1	–	2	–	–	–	6	2
Гдов	20	14	–	1	2	–	1	2	–	–	–	3
Ремесленники												
Русский цех, Санкт-Петер- бург	133	89	2	5	2	4	8	2	5	–	16	52
Иностранный цех, Санкт-Пе- тербург	70	26	2	1	2	5	4	3	4	1	22	12
Нарва: мещан по усердию (добровольцы)	17	11	–	–	–	–	–	–	1	–	5	7

Составлено по: [11, л. 26].

Теперь рассмотрим, как могла сложиться судьба ратников после возвращения. Постановление, устанавливавшее статус и привилегии возвращавшихся из ополчения лиц, появилось в 1815 г.: 12 июня Александр I подписал указ, копия которого вскоре была разослана по всем городским учреждениям [13, л. 212–215]. Указ определял некоторые привилегии и,

главное, предусматривал предоставление государственной помощи тем, кто был тяжело ранен или приобрел за период службы серьезные проблемы со здоровьем.

На время службы ратники освобождались от несения повинностей (в том числе от уплаты подушной подати). Ратники провели в ополчении в среднем 1,5 года, но несмотря на это после возвращения их не освобождали от последующих рекрутских наборов, возобновившихся в Санкт-Петербургской губернии осенью 1815 г. Если бывшие ратники попадали в число рекрутов, их служба в ополчении учитывалась 1:1, следовательно, срок военной службы, составлявший 25 лет, несколько сокращался. Архивы городских дум свидетельствуют о том, что в первые послевоенные годы бывшие ополченцы нередко назначались в рекруты: свои решения мещанские общества, как правило, оправдывали неуплатой податей, долгами, пьянством, непристойным поведением. В Царском Селе по меньшей мере трое ратников были отправлены в армию в качестве рекрутов уже во время набора 1815 г. [14]. Возможно, это связано еще и с тем, что многие лица, вступившие в ополчение в 1812 г., относились к категориям, из которых набирали рекрутов в ходе очередных наборов, т.е. из числа бедных, бессемейных, недавно записавшихся в мещанское общество.

Указ от 12 июня 1815 г. предусматривал привилегии и награды, в том числе медали, которые ополченцы имели право получить за свою службу в 1812–1813 гг. Еще в 1807 г. планировалось выдавать серебряные медали ополченцам, принимавшим участие в боевых действиях во время Войны четвертой коалиции в Пруссии [5, с. 32], однако осенью 1807 г. первое ополчение почти полностью перевели в армию в качестве солдат [2, с. 20]. В 1814 г. была выпущена медаль «В память войны 1812 года», также известная по надписи «Не нам, не нам, а имени твоему». Существовало две версии этой медали: бронзовая, предназначавшаяся для награждения дворян и купцов, сделавших крупные пожертвования на военные нужды, и наиболее известная серебряная медаль для солдат, ополченцев и офицеров, принявших участие в боевых действиях во время кампаний 1812–1814 гг.

Списки Комитета свидетельствуют, что все ополченцы из городов Санкт-Петербургской губернии, принимавшие участие в сражениях, осадах или операциях с участием флота, получили серебряные медали: из 29 ратников, вернувшихся в Царское Село, были награждены 12; в Павловске 3 из 4 ополченцев; в Гатчине – 6 из 15; в Гдове – 3 из 13; в Новой Ладогe – 23 из 28 (новоладожцы служили в 1-й и 6-й дружинах Санкт-Петербургского ополчения, побывавших в боевых действиях более других). Согласно спискам [16], больше всего медалей было вручено за вторую битву при Полоцке, где ополчение Санкт-Петербургской и Новгородской губерний

сыграло важную роль, усилив полки регулярной армии корпуса генерала князя П.Х. Витгенштейна. В соответствии с ч. 3 указа 1815 г. «О имеющих знаки отличия», лица, получившие серебряные медали, освобождались от телесных наказаний; если они позже направлялись в армию в качестве рекрутов, то получали прибавку к жалованью в одну треть: 16 вместо 12 руб. в год для рядового и 17,5 вместо 14 руб. для урядника или армейского писаря [13, л. 212–215].

Наконец, важной малоизученной темой являются меры поддержки вышедших в отставку нижних чинов и ополченцев, в том числе инвалидов, со стороны центрального правительства, местных властей и благотворителей. Дж.Л.Х. Кип и Дж. Хартли отмечают, что социальное обеспечение отставных солдат и инвалидов, число которых заметно увеличилось в результате Наполеоновских войн, в Российской империи не отличалось системностью, по сравнению с формами поддержки, существовавшими в странах Западной Европы [19; 20]. В архивах городских дум обнаружен ряд документов, из которых видно, что среди вернувшихся ополченцев были те, кто оказался не способен зарабатывать на жизнь и платить налоги из-за ранений или появившихся в результате службы проблем со здоровьем: в течение 1815 г. думы получили ряд прошений об исключении таких лиц из городского общества и зачислении их в военные инвалиды.

Согласно указу 1815 г., забота об увечных ополченцах должна была производиться на основаниях, схожих с правилами 1810 г., действовавшими в отношении солдат регулярной армии: если срок службы приближался к концу, либо солдат приобрел серьезное заболевание, либо же оказался непригодным в результате ранения, назначалось обследование в медицинской комиссии, которая, в свою очередь, могла признать солдата полностью непригодным к дальнейшей службе или наполовину годным («полуспособные») [13, л. 212–215]. Нижние чины, отнесенные к обеим категориям, увольнялись с действительной службы и направлялись в губернские и уездные инвалидные команды. Служба в инвалидных отрядах была легче и часто ограничивалась формальными обязанностями, такими как охрана шлагбаумов, городских зданий, государственных учреждений и рынков (в начале 1840-х гг. городские власти Старой Русы жаловались на инвалидов, которые «расслабились» до такой степени, что вместо военной формы носили гражданскую одежду, что допускалось только по праздникам [12, л. 11]). Статус инвалида считался привилегией, как некая форма пенсионного обеспечения: инвалиды получали одежду, провизию, а также освобождались от налогов. Как отмечал бывший солдат П. Назаров, в 1820-е гг. «пожилые» солдаты с нетерпением ждали, когда их осмотрят и отправят в инвалиды из-за возраста или ранений, после чего, наконец, начнется легкая служба и будущее будет обеспечено [8, с. 532].

Первая часть указа 1815 г. посвящена именно инвалидам: их положение несколько отличалось от отставных солдат. Согласно указу, бывшие ополченцы также могли обращаться с просьбой о прохождении медицинского осмотра в губернских городах, но в инвалидные команды направлялись лишь те, кто был признан «совсем неспособным». При этом в указе подчеркивалось, что только ратникам, недавно возвратившимся, разрешено подавать такие прошения в местные думы, дабы избежать случаев недобросовестных ходатайств о признании инвалидом через месяцы или даже годы после окончания службы в армии (поскольку «инвалидность» могла быть приобретена уже после увольнения) [13, л. 212–215]. Так, из 49 ратников, вернувшихся в Царское Село, Гатчину и Павловск, как минимум трое сразу подали прошение о зачислении в инвалидные команды.

Так, мещанин Максим Шемякинский, служивший в 1-м Добровольческом казачьем полку, в своем прошении указал, что «в одном месте в Саксонии, название которого он не помнит, его сбили с лошади, и его голова была разбита копытом, а правая рука вывихнута, так что теперь он чувствует постоянную ломоту в этой руке». В результате полученных травм он совершенно «не в состоянии работать и зарабатывать себе пропитание» [13, л. 218–221, 233, 241]. Другой мещанин, Афанасий Кузнецов, утверждал, что из-за «долгих переходов обе его ноги ослабли, а также были помяты в битве при Полоцке» [13, л. 228, 239], а мещанин Василий Мухин доказывал, что в 1813 г. «его правая рука и нога были повреждены, и теперь ему нужно ходить на костылях» [13, л. 222]. После медицинского осмотра, подтвердившего указанные недостатки, Царскосельская ратуша исключила заявителей из мещанского общества (которое, в свою очередь, не имело заинтересованности в потенциальных неплательщиках налогов). Бывших ратников препроводили в рекрутское присутствие в Санкт-Петербург, а оттуда направили в инвалидные команды. Такой исход, видимо, мог считаться удачей для ополченцев из бедных семей.

Проведенное исследование позволило увидеть некоторые особенности увольнения от службы вышедших из мещанства нижних чинов – ратников Земского ополчения 1812 г. Освобождение от службы и возвращение к месту жительства растянулось почти на весь 1814 г. Те из ополченцев, кто не прибыл к 1815 г., видимо, умерли или остались на службе – при разных частях, в командировках и госпиталях. Возвращение ратников осуществлялось силами властей и армии. Сохранившиеся документы позволили выяснить обстоятельства службы и освобождения мещан ряда уездных центров Санкт-Петербургской губернии. Награду за службу – серебряную медаль – получили практически все участники боевых действий. Часть ополченцев позднее вернулась в армию в качестве рекрутов по очередным наборам.

Примечательно, что правительство проявляло заботу о ратниках, получивших увечья в ходе службы – они поступали в инвалидные команды, что свидетельствует об активном развитии системы социального обеспечения отставных нижних чинов.

Список источников и литературы

1. *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. *Белан М.А.* Участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах ополчений 1806–1807 и 1812 гг. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языковедение. 2021. № 2 (6). С. 15–28.
3. *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.
4. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
5. *Гулевич С.А.* История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. Т. 1. СПб.: Экономическая типо-лит., 1906. 458 с.
6. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: Политическая энциклопедия, 2010. 359 с.
7. *Лапина И.Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 626 л.
8. *Назаров П.* Записки Памфила Назарова // Русская старина. 1878. № 8. С. 529–530.
9. Отечественная война и русское общество, 1812–1912 / под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичега. Т. 5. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 236 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т.32. СПб.: Тип. 2-го Отд. С.Е.И.В.К., 1830. 1109 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 240. Д. 17. Л. 26.
12. РГВИА. Ф. 399. Оп. 1. Д. 161.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060.
14. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1084
15. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 189. Оп. 1. Д. 96.
16. ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 140.
17. ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500.
18. *Hartley J.M.* Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850) / ed. by J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.
19. *Hartley J.M.* Veterans and empire: a comparison of British and Russian treatment of veterans in the late eighteenth and early nineteenth centuries // Journal of the Society for Army Historical Research. 2022. Vol. 100. P. 14–31.
20. *Keep J.L.H.* Catherine's Veterans // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. No 3. P. 385–396.